

изведениях советской массовой культуры предлагались готовые ответы на то, что происходит в социокультурном пространстве вокруг индивида, а это способствовало формированию пассивного восприятия действительности. В большинстве своем советская массовая культура, оказывая влияние на общественное сознание, основывалась не на образах, ориентированных на реальность, а на системе имиджей, воздействующих на бессознательную сферу человеческой психики, что в трудах исследователей феномена массовой культуры трактуется как предельное выражение духовной несвободы, социальный механизм отчуждения и угнетения личности человека.

1. Флиер, А.Я. Массовая культура и её социальные функции / А.Я. Флиер // ОНС. Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 6. – С. 120–129.
2. Маркова, Г.И. Массовая культура: содержание и социальные функции / Г.И.Маркова // Искусство. – 2008. – № 7. – С. 54–60.
3. Андреев, А.Л. Мир искусства и мир политики / А.Л. Андреев. – М.: Знание, 1990.
4. Шестаков, В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков – М.: Искусство, 1988.

Меньковский В.И. (Белорусский государственный университет)

СССР КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Двадцать лет назад прекратил существование Советский Союз. Завершилась история государства, которое задумывалось как государство принципиально нового типа, целью которого провозглашалось его превращение во «всемирный союз советских социалистических республик». Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с течением времени СССР во все большей степени приобретал черты «обычной» (для классической политологии) страны. Однако степень этой «обычности» была и остается предметом научных дискуссий. Во многом именно отношение к феномену СССР определяет и позицию исследователей по отношению к факту распада Советского Союза.

Комплекс социальных, политических, экономических, культурных трансформаций, сопровождавших период прекращения существования СССР и становления новой «постсоветской» истории, привел к изменению всех сторон жизни новых независимых государств. Предметом нашего анализа является лишь один аспект этих кардинальных изменений, связанный с состоянием «постсоветской» исторической науки и ее рефлексией на факт исчезновения единого государства.

В белорусской историографии уже делались попытки анализа научной и мемуарной литературы, отражающей историю кризиса и распада СССР. В первую очередь обратим внимание на справочно-библиографические пособия «Современная историография новейшей истории России и истории СССР», «Современная российская историография» и учебное пособие «История России. XX век» [1, 2, 3].

Авторы отмечали, что в постсоветской историографии тема перестройки и распада Советского Союза не является приоритетной. Однако постепенно изучается и недавнее прошлое. Прежде всего, накапливаются и систематизируются фактические данные.

Важной группой источников являются политические мемуары. Политики, поддерживающие «перестройку» (М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, Н.И. Рыжков, Э.А. Шеварднадзе и др.),

равно как и радикальные демократы (Б.Н. Ельцин, А.А. Собчак) и консерваторы (Е.К. Лигачев), оппонирующие ей, сочли нужным оправдать свою позицию перед общественностью и грядущими поколениями. Несмотря на то, что в силу самого жанра мемуары имеют личностный характер, некоторую общность взглядов отметить все же можно. Советские руководители в большинстве своем признавали косность командно-административной системы и необходимость ее реформирования. Рассуждения о путях оживления экономики и нормализации политической жизни не выходили за рамки довольно абстрактных понятий и предложений [4].

В научной литературе существовал и существует значительный разброс мнений по проблематике, связанной с изучением причин прекращения существования Советского Союза [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Некоторые исследователи, например В.И. Болдин, В.А. Печенев, полагали, что причины распада страны носили субъективный характер, то есть объяснялись конкретными ошибками советских политиков. Однако преобладает точка зрения о том, что распад СССР следует понимать скорее как итог деформации системы, чем как следствие частных событий. В объяснении кризисных явлений большое распространение получила теория «модернизации», согласно которой коммунизм оказался тупиковой ветвью развития, так как перестал соответствовать требованиям прогресса. В.В. Согрин и Д.А. Волкогонов считали, что советская система себя изжила и предотвратить ее крах было нельзя. Р.А. Медведев, отвечая на вопрос, почему распался СССР, в качестве основной причины выделял упадок коммунистической идеологии, повлекшей слабость союзного центра и ЦК КПСС, что и стало основой для неконтрольного роста национальных движений, распада соцлагеря и беспомощности перед давлением со стороны Запада. В публикации В.С. Смирнова продемонстрирована неэффективность советской экономики. Кризис власти и экономики отмечал Р.Г. Пихойя, по мнению которого драма крушения СССР прошла относительно безболезненно, благодаря сочетанию двух факторов: массового недовольства населения и неспособности руководства к сопротивлению [12].

Как мы уже отмечали, при всей значимости тематики, связанной с фактом распада СССР, для историков она остается периферийной, серьезные исследователи ограничиваются изучением отдельных аспектов темы и не берут на себя смелость подготовки обобщающих трудов по этому периоду. Возможно, одна из причин этой осторожности связана с завышенными ожиданиями от исторической науки. Общество традиционно ждет от историков «объективного» анализа прошедших событий. Но методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ принципиально изменились за последние десятилетия. Многие ученые стремятся подчеркнуть, что подготовленные ими работы в принципе не могут не быть субъективными и должны именно так восприниматься. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств, как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходят, при использовании репрезентативного корпуса источников являются научно обоснованными, хотя могут не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы являются «правильными», а другие «ошибочными». Разница в оценках связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так

и с личностью исследователя. спецификой его теоретической и методологической подготовки. При самом тщательном научном подходе выводы исследователей зависят от их академической и политической позиции. Какой бы «объективной» ни стремилась быть историография, она всегда «субъективна» [13].

После 1991 г. для национальных историографий первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Однако было бы чрезвычайным упрощением свести изменения в историографическом комплексе лишь к политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющей. Изменения совпали по времени со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Во второй половине XX в. мировая историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии. «Историография» определяется в научной литературе как: 1) история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; 2) отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; 3) само описание истории, исторического процесса. Поскольку термин имеет различные толкования, мы считаем необходимым уточнить, какой смысл вкладывается в это понятие. Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний. Подобная точка зрения уже нашла свое место в трудах по методологии историографии и источниковедения [14].

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся после 1991 г. Теперь историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности, предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Историки оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди

историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента который «покажет то, что действительно произошло». как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса [13]. Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом – историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах – как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т. е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

А. Гуревич использовал для характеристики этой ситуации термин М. Фуко «хронотопос историка», подразумевая под ним переключку времен – времени, когда проводится историческое исследование, времени, когда совершались исследуемые события и промежуточных периодов времени, которым принадлежат предыдущие интерпретации события, т. е. историографическим традициям. Историк находится в постоянном единоборстве с источником, ибо последний представляет собой одновременно и средство познания, и преграду. Помимо того, о чем прошлое устами современников намеревалось сообщить, в текстах источников можно обнаружить немало такого, о чем оно, это прошлое, вовсе и не собиралось рассказать; это ненамеренные, произвольные высказывания источников, это то, о чем авторы исторических текстов проговаривались помимо собственной воли. Этот «иррациональный остаток», не подвергшийся цензуре сознания создателей текстов, по мнению А. Гуревича, и является наиболее подлинным историческим свидетельством [15].

Современный взгляд заключается в том, что исторический источник, прежде чем он окажется способным раскрыть какие-то аспекты прошлого, нуждается в критике. Он «непрозрачен», и к фактической информации, которая в нем содержится, прибавляются мысли, идеи, образы, присущие автору или составителю данного текста, с которым вынужден работать историк. Сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от создателя текста, неразрывно сплавлены воедино, следовательно, историк сталкивается с огромной трудностью дешифровки, демистификации источника [15]. Для того чтобы расшифровать дошедшие до него послания из прошлого, он должен понять изучаемую эпоху. Такой взгляд принципиально отличается от подхода позитивистской историографии, без всяких оговорок считавшей архивные документы самыми надежными и достоверными материалами.

Историкам новых независимых государств пришлось за короткий период времени освоить ту методологию исследования, которая уже стала неотъемлемой составляющей мировой историографии. Например, рубеж XX–XXI вв. привнес в историографию советской истории новый импульс лингвистического поворота, «на смену модернизации и структурной социальной истории пришли исследования культурных механизмов, языка и семантики советского общества» [16]. Но ведь «лингвистический поворот» в мировой историографии начался еще в конце 1960-х гг. и был только одним из многих «культурных поворотов» в развитии гуманитарных наук, за которым последовали «пространственный», «изобразительный», «визуальный», «перформативный» повороты [См. более детальный анализ 17]. С нашей точки зрения, следует согласиться с российским исследователем А. Гуревичем, что «проблема заключается не в том, чтобы постулировать ставшее уже тривиальностью. Речь о том, в какой мере удастся это сделать в материале, ибо историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть» [18].

Как писал историк С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? До сих пор опыт всемирной истории показал только, что людям все время кажется, что они познали эту сложную категорию [19]. Сфера исследования истории сегодня сопоставима с изучением кардинальных социальных и гуманитарных проблем, без понимания которых нельзя дать ответ на внешне достаточно простые вопросы, в том числе и на вопрос «Почему распался СССР?».

Именно готовность и умение академического сообщества ставить все более сложные вопросы и искать на них адекватные сегодняшнему уровню науки ответы составляет основу процесса познания прошлого. Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки.

1. История России. XX век: учеб. пособие / В.И. Меньковский [и др.] ; под ред. В.И. Меньковского, О.А. Яновского. – Минск, 2005.
2. Современная историография новейшей истории России и истории СССР: справ - библиогр. пособие для студентов ист. специальностей ; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2007.
3. Современная российская историография : в 2 ч ; под ред. В.И. Меньковского – Минск, 2009.
4. Шабасова, М.А. Кризис и распад СССР / М.А. Шабасова // Современная историография новейшей истории России и истории СССР : справ -библиогр. пособие для студентов ист. специальностей ; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2007. – С. 202–203.
5. Болдин, В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева / В.И. Болдин – М., 1995.
6. Печенев, В. «Смутное время» в новейшей истории России. 1985–2003: исторические свидетельства и размышления участника событий / В. Печенев. – М., 2004.
7. Согрин, В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина /В. Согрин. – М., 2001.
8. Волкогонов, Д.А. Семь вождей : в 2 кн. / Д.А. Волкогонов. – М., 1995.
9. Медведев, Р.А. Почему распался Советский Союз? / Р.А. Медведев // Отечественная история. – 2003. – № 4.
10. Смирнов, В.С. Экономические причины краха социализма в СССР / В.С. Смирнов// Отечественная история. – 2002. – № 6.

11. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 / Р.Г. Пихоя. – М., 1998.
12. Шабасова, М.А. Кризис и распад СССР / М.А. Шабасова. // Современная российская историография. в 2 ч.; под ред. В.И. Меньковского. – Минск, 2009. – С. 318–319.
13. Меньковский, В.И. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии / В.И. Меньковский. К Уль М.А. Шабасова. – М., 2012. (готовится к изданию).
14. Шмидт, С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии / С.О. Шмидт – М., 1997. – С. 178.
15. Гуревич, А.Я. Историк конца XX века в поисках метода / А.Я. Гуревич – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>
16. Глебов, С. The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков / С. Глебов, М. Могильнер, А. Семенов // НЛО. – 2003. – № 2. – С. 199.
17. Smith, P. Cultural Theory: An Introduction / P. Smith. – Oxford, 2001; Bachmann-Medick, D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften / D. Bachmann-Medick. – Reinbeck bei Hamburg, 2007.
18. Гуревич, А.Я. Подводя итоги... (Теория и практики исторического познания. Сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия) / А.Я. Гуревич // XX век: Методологические проблемы исторического познания. – М., 2001.
19. Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 142–153.

Морозова Н.Н. (Академия управления при Президенте Республики Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЫНОК ТРУДА

Приоритетной задачей инновационного развития страны, в соответствии с Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., является построение конкурентоспособной, высокотехнологичной, ресурсо- и энергосберегающей экономики. Реализация поставленной задачи требует современных подходов, методов и моделей; поиска перспективных форм интеграции предприятий, научных и образовательных учреждений во внешнеэкономической среде. Взаимодействие бизнеса, науки и государства способно создать такой рынок труда, который обеспечит эффективную занятость и рост конкурентоспособности национальной экономики. Необходимо преодолеть структурные ограничения, а в ряде хозяйственных субъектов – сложившуюся моноотраслевую структуру производства. В данном контексте для Республики Беларусь важно создание кластеров (англ. cluster – скопление), предусматривающих концентрацию на некоторой территории взаимосвязанных организаций: поставщиков продукции, комплектующих и специализированных услуг; инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом.

Кластеризация белорусской экономики – планомерный процесс, требующий активного участия субъектов рынка и государства; сотрудничества между государственным и частным секторами экономики. Причем важно, чтобы создаваемые кластеры отвечали реальным требованиям внешней среды, не навязывались извне, имели практическую значимость. Важной предпосылкой развития кластеров является наличие развитой институциональной инфраструктуры (как вертикально, так и горизонтально интегрированной), включающей предприятия, органы государственного управления, специализированные фонды, банки, исследовательские центры, учебные заведения. В Республике Беларусь насчитывается 55 вузов, (10 частных, 45 государственных) с общей численностью студентов более 444,6 тыс. человек [1, с. 210]. Кроме того, в республике сегодня задейство-